

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К ДЕКАБРИСТСКОЙ ТЕМЕ В АРХИВЕ НЕКРАСОВА

Конспект "Записок" М. Н. Волконской, составленный Некрасовым со слов сына мемуаристки, который в продолжение трех вечеров переводил поэту с французского воспоминания Марии Николаевны,¹ до сих пор еще не опубликован в полном объеме. На выставке, посвященной 25-летию со дня смерти Некрасова (Ярославль), среди других автографов поэта экспонировались "восемь листов собственноручной (карандашом) программы "Русские женщины"", полученных от Н. К. Михайловского.²

В 1922 г. В. Е. Чехихин-Ветринский опубликовал четыре первых листа конспекта - ту часть, которая легла в основу поэмы "Княгиня Волконская".³ Найденный К. И. Чуковским план продолжения произведений декабристского цикла⁴ с детальным описанием быта декабристов и их жен в Сибири побудил С. Великанову опубликовать еще два листа конспекта, содержащие отрывок, повествующий о жизни в Чите.⁵

Большая часть конспекта хранится в настоящее время в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва). Архивное название документа - "Первоначальные записи воспоминаний Волконской Марии Николаевны, сделанные Некрасовым Н. А. со слов ее сына Волконского Михаила Сергеевича".⁶ В указанную архивную единицу входят три документа.

1. Некрасовский конспект "Записок" Волконской составляют листы 1--10, 21--24 (последний чистый лист не нумерован). Листы одинакового формата (22X35 см), плотной писчей бумаги без водяных знаков. Листы 1--10 и неразрезанные листы 22 и 23 нелинованные; неразрезанные листы 21 и 24 линованы в клеточку. Весь текст написан карандашом; на полях карандашные пометы и вставки (лишь на л. 3 к стихотворному наброску на полях приписан чернилами один стих). Конспект составлен беглым, трудно читаемым почерком, со множеством недописанных или сокращенных до начальных букв слов.

2. На отдельном, нумерованном (25-м) листке почтовой бумаги - еще не известный в литературе о Некрасове белой автограф (карандаш) стихов 293--320 поэмы "Княгиня Волконская" с вариантами и разночтениями по отношению к окончательному тексту в стихах 294, 295, 314. Над текстом карандашная помета "к 6-му", что свидетельствует о принадлежности этого листка к наборной рукописи (авторизованной копии А. А. Буткевич) "Княгини Волконской", хранящейся в Рукописном отделе ИРЛИ, где на л. 6 есть соответствующие пометы о вставке "на особом листке".⁷

3. На л. 11--20 описываемой архивной единицы ЦГАЛИ - чья-то неудачная попытка расшифровать отдельные страницы некрасовского конспекта.

Двойной лист из конспекта Некрасова (бумага того же формата и качества), опубликованный Великановой, в настоящее время находится в Доме-музее Некрасова "Карабиха", инвентарный номер МН 379. Архивная нумерация листов автографа ЦГАЛИ произвольная, конспект следует читать в таком порядке: автограф ЦГАЛИ, листы 1--4, 10, 9, 22, 23, 21, 7, 8; далее следуют два неразрезанных листа из архива Карабихи, после которых остальные листы ЦГАЛИ - 5, 6.

Переложенные в таком порядке листы конспекта представляют большую часть (примерно 0.8) записи Некрасова, без пропусков. Недостаёт последних двух-трех листов с записью содержания второй половины последней главы "Записок" Волконской - "Петровский завод".

Конспект при внимательном изучении даёт широкое представление о работе поэта над декабристской темой. Первое, что следует отметить: Некрасов пришел слушать "Записки" М. Н. Волконской "не с пустыми руками". Его конспект свидетельствует о превосходном знании

литературы вопроса и исторической эпохи, о которой идет речь у декабристки. Из других источников поэт хорошо знал о событиях на Сенатской площади, о ходе следствия, о вечере в салоне Зинаиды Волконской и обстоятельствах отъезда Марии Николаевны в Сибирь.

Очевидно, поэтому первая глава "Записок" Волконской конспектировалась поэтом не столь подробно, как эпизоды путешествия в Сибирь и последующие "сибирские" главы. Некрасов вначале заносит в конспект лишь наиболее важные детали и факты, иногда лишь называя их. Вместе с тем он успевает по ходу записи вставлять в текст собственные уточнения, комментарии. Так, в описании допроса Волконского Некрасов не повторяет анахронизма мемуаристики, называющей А. И. Чернышева "военным министром" (Записки, с. 8). В конспекте читаем: "Татищев, военный министр председатель Следственной Комиссии" (автограф ЦГАЛИ, л. 1).

К словам о подвиге генерала Н. Н. Раевского под дер. Дашковой (Записки, с. 18) поэт от себя прибавляет: "есть у Жуковского" (ЦГАЛИ, л. 1), имея в виду стихотворение "Певец во стане русских воинов". Впоследствии в примечании к соответствующим строкам поэмы автор дал полную и точную ссылку на Жуковского с цитатой из его стихотворения и сопоставлением с другими свидетельствами (III, 86).

В описании вечера в честь отъезжающей Марии Николаевны поэт вставляет в конспект фразу, которой нет в "Записках": "Зинаида пела хорошо" (ЦГАЛИ, л. 1). Подобная же вставка сделана по ходу записи о Пушкине: "В Тульчине живал у Раевских в доме (есть в "Архиве" лет 8-мь назад)" (ЦГАЛИ, л. 1 об.). Здесь идет речь о статье П. Бартенева "Пушкин в Южной России", напечатанной в "Русском архиве" (1866, вып. 8, 9). В процессе последующей работы над поэмой "Княгиня Волконская" Некрасов использовал материалы указанной статьи⁸ и другие работы, о чем он и сообщает в примечании 7 к поэме (III, 87).

Внимательный читатель и внимательный слушатель, Некрасов не пропускает самых, казалось бы, малозначительных совпадений в текстах "Записок" и прочитанных ранее других источников. Занося в конспект фразу о ручных мельницах в читинском остроге, поэт тут же в скобках замечает: "У Розена" (л. 23 об.). В "Записках декабриста" А. Е. Розена, известных Некрасову по первому лейпцигскому изданию 1870 г., эти мельницы действительно тоже упоминаются.⁹

В тексте конспекта есть также и одно ошибочное "уточнение" Некрасова, объяснить которое мы затрудняемся. Волконская цитирует по памяти и потому с искажением пушкинские строки о ней: "Твои пленительные очи Яснее дня, чернее ночи".¹⁰ Некрасов записывает одну пушкинскую строчку, исказив ее по-своему: "Светлее дня, темнее ночи", ошибочно указав в скобках источник: "Кавказский пленник" (л. 1 об.). Разумеется, поэт мог забыть, в какую из "южных" поэм Пушкина вошли эти строки, но у М. Н. Волконской есть точное указание: "Бахчисарайский фонтан" (Записки, с. 24). Указанное "разночтение" позволяет предположить, что в автографе "Записок" не было этой ссылки, включенной в текст издателем - М. С. Волконским.

Вообще печатный текст "Записок" М. Н. Волконской нуждается в текстологической сверке. Книга много раз переиздавалась как до Октябрьской революции, так и в советскую эпоху, однако во всех случаях текст воспроизводился по первому изданию, без сличения с оригиналом, написанным по-французски. Первый издатель "Записок" М. С. Волконский, по-видимому, при подготовке текста к печати не ограничился отдельными уточнениями. Конспект Некрасова позволяет высказать предположение, что в печатном тексте "Записок" есть изъятия, сделанные Волконским по цензурным, а, возможно, и личным соображениям. Так, в описании расстрела группы Сухинова в конспекте Некрасова читаем: "приказ стрелять в упор, а когда и это мало - добивать прикладами" (л. 2 автографа в Карабихе). В печатном тексте (Записки, с. 88) этой фразы нет.¹¹

Другой эпизод. Мария Николаевна рассказывает о рождении сына Миши, дочери Нелли и о своей материнской любви к ним. "Моя любовь к вам обоим была безумная, ежеминутная", - читаем мы в "Записках". За этой фразой следует рассказ о смерти Муравьевой, начинающийся словами "шесть месяцев после..." (Записки, с. 96). В конспекте Некрасова абзац о детях записан

почти дословно. Но после фразы "Это была любовь сумасшедшая" и перед началом другого эпизода "6-ть меся<цев> после" в конспекте начало какой-то неизвестной по "Запискам" фразы: "Если и вы оба..." (ЦГАЛИ, л. 5 об.).

Некрасов продолжал работать над конспектом как документальной основой будущей поэмы и после прослушивания текста "Записок" в зимние вечера 1872 г. Некоторые дополнения делались, вероятно, по памяти после домашнего прочтения конспекта. Не исключено, впрочем, что Некрасов для таких дополнений просил М. С. Волконского повторно прочитать некоторые эпизоды. Особенно густо исписан лист 4 (ЦГАЛИ), где поля заполнены на лицевой и оборотной сторонах продолжением текста и вставками, причем французское "descente aux enfers" вписано, по-видимому, М. С. Волконским.

Таким же образом на полях лицевой стороны листа 9 автографа ЦГАЛИ приписана фраза с указанием места вставки на оборотную сторону того же листа (см. публикуемый текст конспекта). Подобные вставки приписаны на полях листов 22 и 23 автографа ЦГАЛИ, на обороте первого листа автографа Карабихи.

Поэт ощущал неадекватность конспекта самим "Запискам" и перед отъездом на лето в Карабиху просил (безуспешно) владельца рукописи дать ему "Записки" на время работы над поэмой (XI, 212). В конспекте почти полностью пропущена сцена свидания Волконской с мужем в крепости, зато в стихах 292--320 (листок, входящий в состав архивной единицы ЦГАЛИ) этот эпизод воспроизводится во всех подробностях. Не исключено, что эти стихи были написаны после первого же чтения "Записок".

Другой стихотворный набросок, передающий чувства героини и узников во время встречи в руднике, торопливо записан Некрасовым на полях первого подвернувшегося под руку листа конспекта (ЦГАЛИ, л. 3; в конспекте соответствующая сцена - на обороте следующего листа). Отдельная же стихотворная строчка, написанная чернилами на том же листе, - поэтический комментарий после прочтения соответствующего места конспекта, записанный тут же. В конспекте читаем: "Догнала Трубецкую. Это была радость делиться мыслями" (ЦГАЛИ, л. 3--3 об.). На полях: "Как горе, и радость одна не живет" (ЦГАЛИ, л. 3).

В марте--начале апреля 1872 г. Некрасов получил письмо от В. П. Буренина, с которым поэт ранее делился мыслями о задуманной новой поэме, посвященной Волконской. Буренин обращал внимание Некрасова на недавно вышедшие из печати записки декабриста Н. В. Басаргина и неопубликованные мемуары И. И. Горбачевского,¹² хранящиеся в редакционном портфеле "Русского архива" М. И. Семевского.¹³

В это же время (до отъезда в Карабиху в июне 1872 г.) Некрасов знакомится еще с целым рядом заграничных изданий записок декабристов и другими материалами эпохи Александра I. Запись имен и названий на полях оборотной стороны листа 21 автографа ЦГАЛИ (см. текст конспекта) свидетельствует о том, что наряду с неопубликованными записками Горбачевского поэт знал "Воспоминания" князя Е. М. Оболенского (Будущность, Париж, 1861, No 9--12), "Записки" М. А. Фон-Визина (Лейпциг, 1859), "Из записок, приписываемых М. А. Бестужеву" (Полярная звезда на 1862 г., кн. 7, вып. 2), "Из записок И. Д. Якушкина" (там же, вып. 1), шеститомное издание "Император Александр и его сподвижники" под редакцией А. И. Михайловского-Данилевского (СПб., 1845-1849).

Записки Н. В. Басаргина, изданные Бартеневым в 1872 г. в сборнике "Девятнадцатый век", Некрасов приобрел и увез в Карабиху.¹⁴ Перечитывая конспект "Записок" Волконской, Некрасов сделал на полях против строк о смешных "выходках" поляка Рукевича помету: "Есть о нем у Басаргина".¹⁵

Текст дошедшей до нас части конспекта печатается полностью. Листы 10, 9, 22, 23, 21, 7, 8, 5, 6 автографа публикуются впервые.

Второй печатаемый здесь автограф еще не привлекал внимания исследователей. Это двойной лист почтовой бумаги, первая страница которого заполнена записями также конспективного характера.¹⁶ Судя по содержанию записей, их следует датировать весенними месяцами 1872 г. Они примыкают к конспекту "Записок" Волконской, хронологически следуя за ним. В окончательном тексте "Княгини Волконской" эти заметки реализовались в следующих стихах IV главки:

Я скоро в Москву прискакала
К сестре Зинаиде. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала, как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам - по сказанью поэта -
"Цвет южного неба в очах принесла".
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, - житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной.
(III, 65)

В первоначальные намерения автора поэмы "Княгиня Волконская" входило, вероятно, более подробное описание салона Зинаиды Волконской, устроившей 27 декабря 1826 г. прощальный вечер в честь отъезжающей в Сибирь М. Н. Волконской. В "Записках" декабристки нет почти никаких сведений о Зинаиде Волконской как творческой личности и общественной деятельнице. О присутствии на этом вечере поэта Веневитинова Некрасов вряд ли знал в 1872 г., в печати об этом стало известно через три года.¹⁷ Однако в поэме мы встречаем Веневитинова среди других почетных гостей Зинаиды Волконской. Некрасов, по-видимому, знал, что Веневитинов, влюбленный в З. А. Волконскую, был частым гостем в ее салоне.

Эти начальные сведения автор "Русских женщин" мог почерпнуть из книги воспоминаний А. Н. Муравьева, что, возможно, послужило толчком для обращения к литературе о Д. В. Веневитинове. Брат Муравьева-"вешателя" А. Н. Муравьев, религиозный деятель и писатель, в 1820-е годы был близок к Любомудрам, писал и печатал стихи, бывал в доме Зинаиды Волконской.

Автор воспоминаний так писал о Веневитинове в салоне княгини Зинаиды: "... был один юноша, даровитый поэт <...> которого влекло к ней не одно лишь блистательное общество; горящий чистую, но страстную любовью, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел в могилу".¹⁸ В "Княгине Волконской" портрет Веневитинова (также не называемого по имени) близок портрету, данному Муравьевым:

... был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил
Безвременно взятый могилой.
(III, 66)

Первый абзац записи Некрасова - вероятнее всего, конспективно фиксирует биографические сведения из работы биографа Веневитинова А. П. Пятковского. Здесь сообщаются некоторые сведения о талантливой хозяйке московского салона, прозванной в русском обществе "Северной Коринной" (разумеется, Некрасов мог знать об этом и из устных рассказов), и в частности сказано: "Два стихотворения "Элегия" и "Италия" <.. .> несколько

изображают личность любимой особы и характер любви к ней Веневитинова. Из первого мы узнаем, что она только вернулась с юга и "принесла в очах цвет южного неба"¹⁹.

Строки из "Элегии" Веневитинова у Некрасова (в отличие от Пятковского) записаны точно, по изданию сочинений поэта 1862 г. В примечаниях к стиху 667 ("Цвет южного неба в очах принесла") автор "Княгини Волконской" ссылается именно на это издание (III, 87), имевшееся, кстати, в карабахской библиотеке поэта.²⁰ Здесь же мы находим биографические сведения о Веневитинове, конспективно записанные Некрасовым в добавочной заметке на полях. Из "Биографического очерка" о Д. В. Веневитинове, принадлежащего перу того же Пятковского, приводим выдержки, соответствующие записям Некрасова.

"Спасаясь от горестных воспоминаний, он думал развлечь себя петербургскими маскарадами, сам ездил замаскированный к своим знакомым (причем, всегда был узнаваем по необыкновенно массивным ступням)..."

На этой же странице цитируется письмо Веневитинова от декабря 1826 г.: "Я дружусь с моими дипломатическими занятиями. Молю бога, чтобы поскорее был мир с Персией: хочу отправиться туда и на свободе петь с восточными соловьями".²¹

Таким образом, говоря о "месте гибели" Грибоедова, Некрасов имеет в виду место его дипломатической службы, где автор "Горя от ума" погиб в 1829 г.

Цитата из Баратынского приведена в конспективной записи Некрасова тоже без искажений. По-видимому, автор "Русских женщин" обращался к "Стихотворениям Евгения Баратынского" в двух частях, изданным в 1835 г. в Москве, куда вошло и стихотворение "Княгине З. А. Волконской". Указанное издание было в карабахской библиотеке Некрасова.²²

При публикации в угловых скобках помещены пропущенные (в обоих автографах) слова и недописанные части слов, в квадратных - зачеркнутые варианты.

¹ Записки княгини Марии Николаевны Волконской. СПб., 1904, с. XV (далее ссылки на это издание даются в тексте "сокращенно: Записки, страница).

² См.: Каталог Ярославской юбилейной некрасовской выставки 27--29 декабря 1902 года. Ярославль, 1902, с. 3.

³ Ветринский Ч. К изучению "Княгини Волконской" Н. А. Некрасова. (Запись содержания записок княгини М. Н. Волконской, сделанная самим поэтом). - В кн.: Некрасовский сборник. Ярославль, 1922, с. 71--76.

⁴ Чуковский К. И. Некрасов и декабристы. - Огонек, 1926, No 2.

⁵ Великанова С. Из записей Н. А. Некрасова к поэме "Русские женщины". (Автограф 1872 года из собрания Ярославского мемориального музея Н. А. Некрасова). - В кн.: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953, с. 183--191.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, ед. хр. 23.

⁷ ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 181, л. 6.

⁸ Подробнее об этом см.: Розанова Л. А. К истории создания образа Пушкина в поэме Некрасова "Русские женщины". - Учен. зап. Ивановск. гос. пед. ин-та, 1954, т. VI. Филологические науки, с. 106--120.

⁹ Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 155.

¹⁰ У Волконской: "ее очи яснее дня, темнее ночи" (Записки, с. 24).

¹¹ С. Великанова пишет по поводу этого несоответствия: "Возможно, что эти подробности мучительной смерти осужденных были сообщены Некрасову М. С. Волконским во время чтения записок" (Великанова С. Из записей Н. А. Некрасова к поэме "Русские женщины", с. 190).

¹² Литературное наследство, т. 51--52. М., 1949, с. 169--170.

¹³ Записки мемуариста, имя которого было к тому времени забыто в редакции "Русского архива", появились в этом журнале лишь в № 2 за 1882 г. под заголовком "Записки неизвестного". Имя автора записок стало известно в литературе еще через восемь лет, когда П. Бартенев (публикатор "Записок неизвестного") получил новые сведения об их авторе (см.: Русский архив, 1890, № 9, с. 111--112).

¹⁴ См.: Литературное наследство, т. 53--54. М., 1949, с. 368.

¹⁵ В "Записках Н. В. Басаргина" (М., 1872, с. 127) действительно упоминаются два поляка, но у мемуариста названы Сосинович и Кучевский, осужденные по делу С. Конарского (1838 г.; см. о них: Записки декабриста Д. И. Завалишина, т. II. Мюнхен, 1904, с. 126). Между тем друг А. Мицкевича Михаил Рукевич, сосланный за связи с декабристами, также был в Нерчинске (см.: Максимов С. В. Сибирь и каторга, ч. 3. СПб., 1900 (гл. VI); Janik M. Dzieje polakow na Syberji. Krakow, 1928, s. 110--111).

¹⁶ Рукописный отдел ГБЛ, ф. 195, картон 1, ед. хр. 10.

¹⁷ См.: Веневитинов А. В. Вечер у княгини Зинаиды Волконской 27 декабря 1826 года. - Русская старина, 1875, № 4, с. 822--824.

¹⁸ Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 12--13.

¹⁹ Пятковский А. П. О жизни и сочинениях Веневитинова. СПб., 1859, с. 17--18.

²⁰ Литературное наследство, т. 53--54, с. 373.

²¹ Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. СПб., 1862, с. 24.

²² Литературное наследство, т. 53--54, с. 367.

<1. КОНСПЕКТ "ЗАПИСОК" М. Н. ВОЛКОНСКОЙ> Автограф ЦГАЛИ

(л. 1) Звуки, которыми я убаюкивала твое ребячество.

Дитя ссылки.

В 25 году выш<ла> замуж.

Татищев - в<оенный> м<инистр> пр<едседатель> С<ледственной> К<омиссии>.

Стыдитесь кн<язь> прапорщики показывают более вас.

Ехала в апреле к теще - приехала в Пет<ербург> к статс-даме. Брат не допускал приятельниц, чтобы не было их влияния, но они пер<выми> с Трубецкою в Нерчинске. Граф Орлов сам отвозил в крепость. Свида<ние> старались бодрить друг друга. Переменился он с нею платком, в нем несколько слов утеше<ния> написанных на уголке платка.

По объявлении> приговора другая пища, сер<ая> одежда.

Под Дашковой взял 2-х детей, есть у Жуков <ского>.

Прощание было немое, - я думала кончено. - Я не увижу больше отца. Я умерла для семейства. - Теща денег в обрез.

Молилась перед колыбелью.

Я провела вечер, играя с ребенком. Печать - игрушка. Эта красная большая печать нравилась ребенку.

В Москве у м<оей> с<естры>. Зинаида пела хорошо. Зинаида собр<ала> итальянцев и из общества хороших талантов. Мысль, что я в после<дний> раз слышу эту музыку, делала мне ее еще приятнее, {л. 1 об.}. Она просила еще петь - я больше этого не ус<лышу>.

Пушкин был на этом вечере - пользовался покровительством> ее отца, в Тульчине жила у Раевских в доме (есть в "Архиве" лет 8-мь назад) был на Кавказе, я с от<цом> Раевск<им>, дружба с братьями. 15 лет. - Пут<ешествие> на Кавказ. - "Как я завидовал волнам", "светлее дня темнее ночи" (в "Кавк<азском> пленнике"). Посла<ние> не поспело.

Приехала Орлова - --

От сестры салопа, книги, шерсть.

Два дня в Москве для свид<ания> с родств<енниками> ссыльных, они приносили письма и проч. - взяла еще кибитку.

Л<акей> и г<орничная>, встреча ссыльных.

Где находила самовар готовым, - брала в кибитку кусок пирога.

В Казани нак<ануне> Нового года, из окон гостиницы видела бал. - Контраст: здесь веселье, а я еду в крепость. Детск<ие> эти выходк<и> были естественны>: мне только стукнуло 21 год. -

С Казани начались остановки пугали, что Трубец<кую> вернут из Иркутска. - Я сказала, что имею разрешение> Государя.

Сестра Орлова сказала ей: может он стал пьяница, может опустился. - Я отвечала - тем более я нужна ему.

Переждать метель, - нет еду - не с так<ими> мет<елями> придется мне бороться; опустить велела рогожу. -

Образовался сугроб меж ею и ямщиком.

(л. 2) Я заставила звонить часы - они пробили полночь. - Новый год. Я повер<нулась> к гор<ничной> пожелать Нового года. Она была неприветлива, я обрат<илась> к ям<щику>, с Новым годом поздрав<ила>.

А мысль вер<нулась> к родным, к молод<ости>, к детству. Ск<оль> радост<ен> был день празд<ника> нам, с<колько> рад<ости>, с<колько> удовольствия>. А Сергей? Что он делает? Вся жизнь восстала м<оя> <?> и я только об нем одн<ом> стала думать.

Лошади не подвигались. Сбились с дороги, попали в зимовье лесни<ка> вошли. Огонь, чай, люди, я ожд<ала> рассвета чт<обы> пр<одолжать> путь.

Т<ак> ех<али> 15 д<ней>. То говор <ила> стихи, то песни. - Ничега не видела - так было холодно и так закрыла кибитку.

(л. 2 об.) "Серебрянка" - костры среди деревни, возков 30--40 - (1 нрзб.) горн перековывать <?> лошадей ст<оял> народ. Надежда узнать что-нибудь от оф<ицера>.

- Я их не знаю, да и знать не хочу, был ответ.

Солдат - я их видел здоровы, живут в Нерч<инске> в Благод<атском> руднике.

Раз лошади понесли с самой высокой горы Алтая, выскочила в глуб<окий> снег без вреда.

Город - река вели<колепная> <?> вошла в церковь отслужить молебен, служил тот поп, который сделался священником> каземата. -

Фортепяно прислала сестра Зинаида. - Это ее обрадовало (всего там было одно у губернатора в Иркутске). Она принялась играть. Мне казалось, что я больше не одна. - Там же, где Трубец<кая>. Губернатор уговаривал вернуться.

Наша поездка бросила слишком добрый свет на ссыльных - переписка, нельзя прекратить> <?> память об них.

Осмотр вещей, чиновник <ов> прислали.

Записать пришлось немного белья 3 платья, семейные портреты - открыли ящики. "Бумагу", копию для памяти.

Человек: зачем подписа<ли> не чита<я> что? Вы не знаете.

- Все равно поедем.

(л. 3) Содержание> бумаги:

Дети - в каз<енные> завод<ские> крепост<ные> крестьяне. Не брать ценных вещей - и по правилам и для безопасности. Отъезд<ом> в Нерч<инский> кр<ай> уничтож<ается> право на людей. Под<орожная> на имя казака, но воз<ок> от губ<ернатора>. - Приехала Муравьева.

И для слез и для смеху были нас окружав <шие> какие-то карикатуры - те же чиновники пришли.

При перее<зде> через Байкал слеза мерзла в глазу, в Верхнеуд<инске> у пол<ковника> Муравьева.

Жена, сын, ночевали. Перекладная. Мысль ехать так ее забавляла, но грудь заболел<а>. Останавливала ям<щика> чтоб перевести дух. Так 600 верст. Голод - не предупредили. Ст<анции> держат буряты. Говядина сырая, вяленая на солнце, кирпи<чный> чай с солью.

В Банкине пир у бог<атого> купца: встретили как царицу. Падала от сна, заснула на диване.

На другой день приех<ала> в Нерч<инский> завод.

Догнала Трубецкую.

Стихотворный набросок на полях:

Все бледны понуры, суровы
Стояли кругом; на недвижных ногах
Не издали звука оковы
И в воздухе поднятый молот застыл
Все тихо - ни[за] песни, ни речи.
Как будто бы каждый здесь с на<ми> делил
И горе и счастье встречи.

Стих, приписанный чернилами:

Как горе и радость одна не живет,

(л. 3 об.) Это была радость делиться мыслями. - Тут узнала, что муж в 12 вер<стах>. Труб<ецкая> подписала 2 бум<агу> поехала туда первая предупредить Сергея об ее приезде.

Видеть мужа только 2 раза в неделю в присут<ствии> офиц<ера>, не носить вина, не вых<одить> из деревни без разрешения.

И это по<сле> <?> того, что бросила родных, ребенка, родину, проехала 600<0> верст, подписала отречение от всего и даже от покровительства законов и после этого только 2 раза в неделю видеть мужа!

У них от<ныне> <?> не наслажд<аться> семейною жизнью, что позволено простым <каторжным>. Видела я как они по окончании работ шли в семейства - их только после повтор<ения> преступлений заковывали а наши с 1-го дня закованы!

В санях Бур<нашова> в Благодатский рудник.

(л. 4) Отвор<илась> тюрьма.

Конура 3 ар<шина> длины, 2 ширины, низк<ая>, на троих, еще Труб<ецкой> и Оболенский.

С Бур<нашовым> она входит - темь, открыв дверцу налево - вошла к мужу. Сергей бросился ко мне; шум цепей поразил. Я не знала, что он в цепях. Это дало мне понять, что он выстрадал. Вид железа воспламен<ил> душу, тронул меня до того, что я бросилась перед ним на колени, поцеловала эти цепи прежде, а уж потом его самого.

Бурн<ашов> не мог войти за нею, просто остолб<енел> при виде уважения, которое я выказала мужу. Он небрежно <?> ему говорил "ты" и обр<ащался> как с каторж<ным>.

Убеждение. Заслужи<вает> уважения соотечеств<енников>. Кто кладет голову за убежден<ия> - тот любит свое отечество, хотя может быть и преждевременно затеял свое дело. Старалась я быть бодрой. Я воз<вышала> голос (дядя). -

Пошла в кр<естьянскую> избу - для Нат<аши> и ее, изба тесная, головой у стены, ноги упир<аются> в дверь, печь дымила, нельзя топить при ветре, стекол не было в окнах. {Часть текста предпоследнего абзаца (от слов "за убеждения") и последний абзац записаны на полях.}

(л. 4 об.) Каждый день работа с 5 до 11, урок в 3-х пудах руды для каждого. Доб<рый> свой народ. Рискую быть оскорблена, зарезан<а> в рудниках, и что начальство даже не сумеет оградить; я была среди этих призн<анных> последним классом людей; они окружали нас уважен<ием> боготв<орили> Катю и меня; ссыльных называли "князьки" наши, господа наши; работали за них уроки, приносили для них печ<еный> картофель ими тут же вык<опанный> из золы. Кончив свой курс раб<от> эти лю<ди> пред<анные> и луч<шие> нравст<венно> начинали работать для себя и выходили из них н<е>худые отцы и даже честные торговцы. Кто-то из галер<ников> Франции и понтонов Англии стоит этих?

На друг<ой> день пошла гулять по деревне, расспр<ашивая> где работает муж. Мне показали дверцу, ведущ<ую> как бы под землю, сторож стоит с саблей наголо - "вот тут", можно ли посм<отреть> как работают? - Сторож подал свечку, род факела. Я опустилась с друг<ой> стороны в этот тем<ный> лабиринт. Дов<ольно> тепло. Воздух спертый. - Я шла.

Скоро услышала за собой голос остановиться. Я потушила факел и побежала вдоль тем<ного> коридора. Вдали увид<ела> светлые точки, там были они. Они опустили мне лестницу. Я вскарабкалась. Все работали на небольш<ом> возвыш<ении>. Я увид<ела>. Извест<ия> письма передала. Муж тут не был. Видела Д<авыдова>, Бор<исовых>, Муравьева-Апостола. Это были 8 первых попавших в Нерч<инские> рудн<ики>. Офицер злился внизу, звал и сердился. Наконец я спустилась - из шахты. - Муравьев назвал эту сцен<у> "спуск в ад" - *descente aux enfers*.

(л. 10) Прибыти<е> их было полезн<о>. Заведова<ли> переписк<ой>. Денег не было. Только 700 рублей, осталь<ные> у губернатора. Сели на диету - суп и каша, отказались от ужина, Катя, избалованная у отца, приучил<а> себя к хле<бу> с квасом. За таким ужином застал ее т<юремный> ст<орож> и передал мужу. Посылали обед мужьям. Латали <?> белье, Катя привезла кухонные книги (из Парижа), готовила соусы. Не стали принимать обеды, узнав полож<ение>. Тогда солдаты взяли на себя их прикармливать. Это было кстати. Горничные стали скверны, не помогали, сошлись с офицерами. Не понравилось начальству. Потребовали их отсылки. С грустью мы увидали их отъезд в Россию. Все сосла<нные> стояли у окон и следил<и> за экипажем. Каждый гов<орил> себе: "Этот путь закрыт для меня". Остались без горничн<ых>. Я мела, уб<ирала> ком<нату>, чесала волосы Кате, и, уверяю тебя, что все хозяйство у нас шло.

Когда началась [морозы] оттепель, я заметила, что каторж<ные> несемей<ные> и живущ<ие> в казар<ме> сидят на пороге (л. 10 об.) и смотрят вдаль. Я спросила - почему? - Приход<ит> весна, им являет<ся> желание бежать, они рад<ы> теплу, ибо не имеют шуб и солнце (2 нрзб.) побег. Некоторые уходили в Россию, их не выд<авали> там.

Прогулки по дерев<енскому> кладбищу. Мы спр<ашивали> др<уг> у друга - тут ли мы останемся? Перестали ходить в эту сторону от этих <?> мыслей. В хорошее время делали до 15 верст пешк<ом>. Садилась на камень проти<в> окна нашей тюрьмы. Возвысив сильно голос, вела переговоры> с мужем. Ее шокиров<ало> что другие каторж<ные> выходили в лес за дровами почти голы<ми> без ру<башек> или в одних штанах. Купила холст, велела наделать белья. Деньги у начальника. Ходили в Большой завод, отдавали отчет в расходах. Ездил в телеге, возница <?>. Одевалась в полевой наряд.

Мы старались наблюдать за собой из убеждения, что не должно опускаться - в далеком краю, где благ<одаря> на<ряду> нас узнавали изд<али>, подходили к нам с уважением, несмотря. Я возвращал<ась> из завода, сидя на мешке черной муки, или ехала (1 нрзб.) верхом <на> казацкой лошади. Купила муку и приехала для отчета к Бурнаш<ову>. Он читал их со вним<анием>. {Последний абзац записан на полях.} (л. 9).

На этот раз рассердился. - Вы не имеете право раздавать рубашки. 5--10 к<опеек> а не одевать за правит<ельство>. Прикажите их сами одеть. Я не видел<а> голых л<юдей>. - Ну, не сердитесь. Вы откров<енны>. Я люблю в Вас это. Пора.

- Вы верхом?

Он за мной. Он нигде не видел женского седла, выразил удивление. Гуляла верхом, ступала на (2 нрзб.) землю, - 12 в<ерст> мена продуктов - ход<или> благодатские жители.

2 р<аза> в нед<елю> свид<ание> с мужем.

Рик усугубил полож<ение> (велел в камеры не давать свеч), в потемках с 3 до 7 утра оставались все, зады<хались>. Решили не принимать пищу, чтоб напугать, возвр<ащали>

обед, ужин. День, два. Рик передал госуд<арю> рапорт. - Взбунтовались, хотят ум<орить> себя голодом.

Явился Бурнашов, со свитой, - что это значит? - суд будет над *секретными*. И вижу - подходит Серг<ей> Труб<ецкой> под конвоем. Кате показалось, что у Сер<гея> завязаны руки сзади (неправда, привычка) (л. 9 об.), подбежала к солдату - обрадовала - ничего! Но... {*Это слово недописано.*} Я спро<сила> солдата - палки? - нет. Муж подходит ближе. Я стала на колени в снегу и умоляла ради меня <?> не выходить из терне <ния>.

Он отвечал, что покоен <?>.

Бур<нашов> ска<зал> - кнутом.

Потом дозволил объясниться.

Запирал в клетку без огня, не позволял есть вместе, не подавал свечи, им темно и душно. {*Этот абзац приписан на полях лицевой стороны листа против строк, близких ему по содержанию.*}

Затем муж воз<вратился> и, проходя мимо меня, сказал - Все вздор!

Привели других.

Когда все уехали, мы пошли к Бур<нашову>. Я спро<сила>. Он отвечал - нет ничего, мой офицер сделал из мухи слона.

Разд<елял> стр<ах> Ри<ка>.

Рика сместили. Резан<ов> на место. Сам прих<одил> играть в шахматы, водил на прогулки, по нес<колько> час<ов>. Ходил с Борисовы<ми>, собирал растения, сделал коллекцию бабочек и насекомых.

Кроме - другая тюрьма бежав<шие> по нес<колько> раз, у болота, канд<алы> тяжелей, урок сильнее. Орлов - разб<ойник> между ними. (л. 22). Нападал на купцов и чинов<ников>, даже высек нек<оторых>. Имел голос, составил хор из товар <ищей>, при заходе солнца. - Как они пели с верностью и выражением. Была до крайности груст<ная> песня:

Воля, воля дорогая

Это одно развлеч<ение>. Всегда в те<мноте> свеч им не выдавали. Я садилась около их темн<ицы> гру<стной> <?> и доставляла им удовольствие, слушала их пение.

Орлов бежал. Не нашли. Гуляла около тюрьмы. Каторж<ный>, которого я знаю. Он был гусар. {*Последние две фразы, за исключением слова "Каторж.", приписаны на полях слева.*} Он бежал за мной и гов<орил> - княгиня, Ор<лов> п<ослал> м<еня> к вам, он жи<вет>-де в скале. Шубу. Вернулась домой, взяла 10 руб. - Не иди за мной, заметь место. Я наклонюсь. {*Два последних предложения приписаны на полях слева.*}

Он деньги нашел

Через 2 нед<ели> б<ыла> одна в св<оей> ком<нате>. Кати не было (она была в т<юрьме>). Я пела. Было темно. Вдруг кто-то (л. 22 об.) входит, падает на колени, высокий, два ножа за поя<сом>. - Я умираю с голоду" дайте что-нибудь, бог вам вер<нет>, в<аше> с<иятельство>. - Уходи скорее (5 руб.).

Катя испугалась, да и было отче<го>. Я легла тогда поздно. Страх. "Вы хотите возмутить каторжных". Ночью слыш<им> выст<релы>. Побежали в тюрм<у>. Там все спокойно. В

деревне схватили кого-то на горе - все схвачены, кроме Орлова. Сбежал через трубу (он напился с др<угими> беглыми). Расправа: секут - допытаться, кто дал день<ги>.

Никто меня не назвал. Для гусар<а> допустим<ее>, чтоб его обвинили в воровстве, чем выдать меня. Он рассказал мне это потом.

Сколько благо<дарности> и пред<анности> (л. 23) у этих людей, которых мы описыва<ем> чудовищами. Настал вел<икий> пост. Просили попа. Церкви не было в Благо<датском>. Поехали в Большой завод, говели 4 дня. Грустно праздн<вали>, одн<о> развлечение - сидеть недале<ко> от тюрьм<ы>. Играла с дер<евенскими> детьми, расск<азывала> свящ<енную> историю. Слушали с интере<сом> <?> Однажды откр<ывается> дверь, входит чинов<ник> пьяный. - Христос воскре<с>. Целоваться.

Я загород<илась> стулом и пошла с ним к двери. Человек {На полях слева помечено: Ефим.} вошел, Катя разговаривала с чин<овником>, почтмей<стер>. Послал Ефим завтр<акать> у его начальника.

На след<ующий> день Катя поехала в Б<олыпой> завод. У купца-шпиона остановилась, много народу, хозяйка пригласила. Нельзя отказаться (сибир<яки> хлебос<ольны>) Катя села - сосед тот же чин<овник>. - Мы старые знакомые, не так ли? - Нисколько, ведь я б<ыл> у вас несколь<ко> (л. 23 об.) пьян, и вас позабыл.

Она переменяла разговор. Запрещено видаться и даже останавливаться. Ее личные письма под<авались> открытыми сн<ачала> к коменд<анту>, к губернатору в Иркутск, потом в III Отд<еление> - шли шесть месяцев.

Клопы.

Ночи на чердаке.

Возвращаясь из тюрьмы, вытряхи<вала> свою одежду. Наказ<ание> вроде пы<тки> <?> в Персии. Известия от Мур<авьевой> из Читы, увед<омляла> о Лепарском. Все в Читу. Радость. Все будем вместе. Укладывала. Пр<ишел> Бур<нашов> со свитой. - Готовы к отъезду? - Да, с удив<лением>. - Не торопитесь. Не скоро. Дороги - ссыльные взбунт<овались> грабят на дороге.

Правда. Но он себе вообразил, что присоединятся к ним.

2 телеги выехали - 2 раз по душе, кр<асивые> леса, всю<ду> цветы, устр<оилась> у Гогола купца останавливались - В Чите остановились у Мур<авьевой>. Нар<ышкина>, Енталь<цева>. На чердаке большое окно. Алекса<ндрина> показала ссыльных. Трубки, лопаты, книги, они казались спокой<ными> чисто одеты. Были очень молодые люди 18--19 лет. Фр<олов>, Беляевы. На раб<оты> выходили, но руд<ников> не было.

Чистили хлева, кон<юшни>. Летом мели улицы. Муж через 2 дня с необх<одимой> свитой. Ручные мельн<ицы> (У Розена) вроде монас<тырских>.

Так 15 лет - прожила молодости - в заключ<ении>, вместо их ссылки и работ, а не закл<ючения>. {Последний абзац записан на полях.} (л. 21). Поселились с Мур<авьевой>. Я, Катя, Ент<альцева> (44 года) в доме дьякона. Она {Слово она в автографе связано звездочкой (*) со словом Ент<альцева>}. все прочитала. Раз<говор> был очень прият<ен> пред<ана> мужу.

Катя прив<ыкла> ко всему, после роскоши, ходила по мр<аморным> доскам Нерона из Рима. Любила свет<ские> разго<воры>, ум т<он>ки<й>, нрав прият<ный> и пр.

Мур<авьеву> любили более всех. Сердечное благородст<во>, в действиях энтузиазм, любовь к мужу, чтоб все ему поклонялись.

Никита Муравьев был умен, учен, но несколько далек от жизни - мы не любили, не соглашались.

Нарышкина - маленькая полная, добрая, уважаемая женщина, надо было привыкнуть, манеры горячие - не все любили.

Фон-Визина - лицо русское, белое, свежее, голубые глаза, (1 нрзб) толстенная, маленькая, болезненная. Бессонница, - видения, кричала по ночам. Все это прошло в ссылке. Манья говорить в лицо, смотреть на вас, предсказывать будущее. Возвратившись в Россию, потеряла мужа, вышла замуж в возрасте 53 лет за Пущина - крепкого своего отца.

Анненкова - м-ль Поль, красавица, умная, веселая, всегда умела смеяться. Поднимала каждого на смех.

Командант сказал ей, что получил приказ от государя - согласен. Анненкову в церковь в минуты вечныя сняли кандалы (по новому закону), (л. 21 об.). Дамы провожали. Поль не понимала. Смеялась с шаферами Свистуновым и А. Муравьевым. Под этой беспечностью скрывалось чувство любви к Анненкову. Она пожертвовала и родиной и свободой. Подала просьбу. Он не препятствовал. В коляске. - Вы замужем? - Государь, я мечтаю разделить его судьбу. {На полях незаполненной части листа запись: Горбачевский} В "Будущности" Оболенского записки. Герцена издания о декабристах. Записки Фон-Визина, Бестужев, Якушкина, "Сподвижники Александра" Михаил овского-Данилевского.

(л. 7) Она ничего не получала сначала - родные были за границей. Другие получали вино для больных и проч. - Дозволили сходиться в домах, подъехали припасы, все разделила между товарищами мужа. Трудно было передавать вино. Сергей приходил к ней, всовывал по бутылке в карман и носил товарищам. В Чите стало сноснее. Дамы гуляли. Мужчины все сошлись, книги, общее делили. Было тесно, 1 аршин - расстояние между кроватями. Шум цепей, разговоры, пение, тюрьма, окна как в конюшне под самым потолком. Летом оставались на воздухе. Уголок огорода. Но зимой было невыносимо. Их было 73. Свидание 2 раза в неделю.

Мы приходили к высокому частоколу, толстые бревна были неплотны, в щели можно было друг друга видеть. 1-е время делала это со страхом и риском, боясь коменданта или его адъютантов, которые вертелись у тюрьмы. Мы подкупали часовых и те не уведомляли, (л. 7 об.) Однажды один солдат кричал на нас и ударил кулаком Катю. Я побежала к Смольянинову - начальнику читинских сыльных, он поупу солдата, угрожал наказанием. Я написала резкое письмо-коменданту. Он надулся, но с этой минуты мы могли уже оставаться около острога сколько хотели. Катя отправлялась (1 нрзб.), садилась на складной стул и вокруг нее собирались послушать страждущие, ожидали очереди поговорить с ней и др.

Приехал фельдъегерь взять одного и увезти для новых допросов в Петербург. - Кого? Каждая боялась за своего мужа. Она начала ходить около дома коменданта, встретила курьера - он был ей знаком. - Кого? - Не знаю его имя. Придите в (л. 8) церковь и покажите. Встала утром, пошла в церковь, просила бога, чтоб не отнял мужа. Слышу шпоры, курьер стал сзади меня и, кладя земной поклон, шепчет: "Корниловича". Я поблагодарила бога, осталась до конца обедни, несмотря на желание успокоить мужа скорее, шпионы стояли [ждали] сзади. Я побежала в тюрьму сообщить новость. Это было зимой. Стоял 40-градусный мороз. Холод (1 нрзб.) Не верили фельдъегерю - Он ехал ночью. Мы решили не спать, поделили между собой улицы. Я выбрала комендантскую, ближе к мужу. - Я на минуту забежала к Муравьевой выпить чашку чаю. Она была в центре - всю ночь у нее самовар. Полночь, час, два, ничего нового, наконец Катя (л. 8 об.) говорит, что есть движение в почтовом доме. Бегу в тюрьму к мужу, там Корнилович, его взяли.

Встретилась с Муравьевой. Ночь была чудесная, видим - едет шагом кибитка, колокольчики подвязаны, не шумят, офицеры шли сзади. Мы высыпали, когда поравнялись и

закричали: "Добрый путь, Корнилович". Это поразило начальство, что мы все знали, даже кто едет. Комендант поразил<ся> и долго думал над этим.

Корнилов<ич> не вернулся. Умер в креп<ости> Финлян<дии>. Это был человек твердый и конечно же после того как он выдержал нрав<ственную> и физ<ическую> пытку - (1 нрзб.)

Автограф в музее "Карабиха"

(л. 1) Привезли 2 поляков. Рукевич смешил выходками - он против дома Муравьев<ой> помещен {*Слева на полях помета: Есть о нем у Басаргина.*} -- он стал против частокола и пел романс -

Когда в тюрьме сидит
Юноша прекрасный -

Не спросила в чем дело. Кончен иным срок - на поселе<ние>. Лихарев, гр<аф> Чернышев, бр<ат> Мур<авьевой>, Ентальцев, Лисовск<ий>, Кривцов и др. - рассталась она с Ент<альцевой> - в Березов, м<аленький> гор<од> на севере самой Тоб<ольской> губ<ернии> Прощ<ание> Муравьевой и гр<афа> <?> с брат<ом> были раздирательны. Через 2 год<а> Черны<шева> пересла<ли> солда<том> на Кавказ.

Они их снаряжал <и> в путь - все отдавали. Прощание с дамами с позвол<ения> коменд<анта>.

1829 <год>. Великое известие снять кандалы. Она привыкла. Слушала их с удовольствием>, ибо они предупреждали> ее о приближении> Сергея.

(л. 1 об.) Сначала надеялась, что ссылка конч<ится> через 5 лет, потом через 10, потом через 15, но после 25 перестала надеять<ся>. Дети.

В Чите получила известие о смерти Коли. Пушкин, уведомляя ее, - п<исал> {*Эпитафия приписана слева на полях.*}: В сияньи, в радостн<ом> покое Благосл<овляет> мать и молит за отца. Я так была мало к этому готов<а>. Она заболел<а>. Д<октор> Воль<ф> навещал ее с поз<воления> коменд<анта>. Слух о новой тюрьме строил коменд<ант> без окон. Это испугало. {*Перед следующим абзацем на полях слева приписано: За год до отъезда.*}

Еще встре<ча>. Цепь каторж<ных> прошла через Читу. Сухинин и др. Все пространство> прошли пешком, с убийц<ами> и ворами.

Муж послал ее навстречу, нести что-нибудь <?> успо(л. 2)коить Сухинина, он был экз<альтирован> св<оим> положением, совет держ<аться> с терп<ением>.

Они ост<ановились> в 3-х верстах - Вол<конская>, Е<нтальцева>. и К<аташа> рано на рассвете <?> вышли. Мороз. Сделали круг обойти солд<ат>, было еще темно, подошли к частоколу.

Соловьев ее успокоил - тем не менее она имела предч<увствие> О Сухинине. 200 - он отдалился.

Бежали на кит<айскую> границу. Китайцы выдают - их перел<овили>. казаки на границе - бросили в тюрьму. Курьер к Госуд<арю> - пр<иказ> в 24 ч. осудить и гл<авных> расстрелять. Коменд<ант> уехал и выполнил.

Сухи<нин> узнал накануне, он повесился на бревнах потол<ка>, на ремне от своих кандалов. 20 остальных, казнь совершилась. Дали пр<иказ> стрелять, ружья были стары, не умели целиться - поп<адали> то в руку, то в ногу - пр<иказ> стрелять в упор, а когда и это<го> мало - добивать прикла(л. 2 об.)дами.

Ком<ендант> долго молился на коленях, как бы прося у Б<ога> пр<ощения>. Узнали от Моз<галевского> и Соловьев<а> - их привез<ли> к ним. Ком<ендант> верну<лся> мрачный. - Побег, пожары, тороп<ился> око<нчить> Пет<ровскую>, тюрьму.

Мур<авьева> богаче других, от свекр<ови> деньги [утаив] через лакея и др<угие> средст<ва> - выстроила дом близ тюрьмы - им помогала <?> (У них нехвата<ло>) прогулка: Нар<ышкина>, Ент<альцева> отпр<авились> гулять за деревн<ю>, прошли д<алеко>, не замечая.

Пет<ровская> т<юрьма> конче<на>, по 30 верст в день. М<уравьева> и 2 д<ругие> дамы уехали вперед. Она, Н<арышкина>, Фонвизина, могли видеть<ся> с партией. Партия ост<ановилась> в 6 в<ерстах> от г. Удинска, Розен тут присоединилась> - хорошая, методич<ная>. 1 год - уехала на пос<еление> в Т<обольскую> Г<убернию> Юшн<евская> приехала неожиданно>, 44 года, волосы белые, веселость юная. Путь далее. На п<оследней> ст<анции> ком<мендант> пер<ед> Петр<овском> передал письма из Р<оссии> и газеты. Известие об Июльс<кой> Рев<олюции>. Порад<овались>.

Автограф ЦГАЛИ (продолжение)

(л. 5) Они пораж<ены> видом Пет<ровской> тюрьмы в форме подковы с кр<епкой> кр<ышей>. Вид мр<ачный> ни одного окна в наруж<ную> сторону. Писали Бенк<ендорфу> просьбу сидеть с мужем. Дозволено - Мур<авьева> пост<роила> д<ом> в Петр<овске>. Другие в казематах мужей. Мур<авьева> посел<илась> в д<оме>.

Она купила тут дом для горн<ичной> и чел<овека>, приходила туда одеваться, брать ванну. Ост<альное> время за замком в тюрьме.

Через год - женатым жить вне тюрьмы. Отсутствие> окон, ц<елый> д<ень> при свечах. Устр<оила> номер. Она обила стены шелк<ом> материи - из ст<арых> зан<авесей> из Р<оссии>. Форт<епяно>, библиот<ека>, два дивана - од<ним> сл<овом> роскошно. Нап<исали> Бенк<ендорфу> - окна. - Дозволили. Ком<ендант> трусил, пробил под потолком. Они уже жили в своем доме. Устроили подмост<ки> к окнам и сажались за (1 нрзб.).

Приехала Камилла Ле Дантю. Нев<еста> к Ивашову, (л. 5 об.) чудесная. Ив<ашов> был счастлив. Свадьба. Не так противно. Без кандалов. Жених [приехал] вышел одет с шаф<ерами>. Хотя под воор<уженным> конвоем. Она была пос<аженая> мать. Дам<ы> в церкви. Чай у них, обед. Слов<ом>, нач<али> жить и воз<вращаться> к об<ычному> св<оему> облику. На кухне сам<а> не работала, люди, но солдаты, солдаты были повсюду. За каж<дым> шел <?> солдат, чтоб не за<бывал> о заключении>.

В 32 г. М<иша>. Она са<ма> корм<илица> нян<ка> и немног<о> воспит<ательница> и когда че<рез> год с<естра> Нелли - счастье было заверщенное> - более ни о чем <?> как о детях - почти не ходила к подр<угам>. Это была любовь сумасшедшая. Если и вы оба... 6-ть меся<цев> пос<ле> (1 нрзб.) М<уравьева> заболела. Вольф сделал все, но Б<ог> с<удил> иначе. Пос<ледние> минуты удивит<ельные>. Продиктовала письма к родным. Не хотела разбудить с<воего> ребенка Нон(л. 6)нуш<ку> > 4 лет в то вр<емя> <?> велела принести ее куклу и поцеловала за реб<енка>. Исполнив роль <?> обяз<ательную> <?> занялась мужем, успокоила стр<ах> <?> перед см<ертью>. Силы. Умерла как солдат на своем посту. См<ерть> ее повер<гла> в уныние, горесть, каждая из н<ас> говор<ила> о себе: что же будет с детьми нашими после нас?

В те дол<гие> годы боль<шие> перемены в судьбе. У несколь<ких> вышел срок, из дам поех<али> Фон-Визина, Нар<ышкина>, Роз<ен>, Ива<шова> - умерла на поселении. Муж вскоре. Мать пр<иехала> к н<им>, увезла в Р<оссию> сирот.

Вне г<осударственных> р<абот> время проводили: <?> Бест<ужев> портреты, механик - часы, кольца. У каждого к<ольцо> из оков. Т<орсон> - м<одели> мельниц мол<отильных>

машин. Ст<олярные> раб<оты>. Оголи<ки>, ящи<чки> для чая. Одоев<ский> - поэзией, (л. 6 об.) Сол-<датом> пер<еведен> на Кав<каз>. Убит в бою <?> с гор<цами>. Тюрьма пустела от заключенных. Их разос<лали> по Сибири. Жизнь без се<мей>, без друз<ей>, без общества еще тяжелее чем тюрьма. Наста<ла> наша очередь<ь>. В<ольф>, Н<икита> М<уравьев>, и мы поехали следом. Сергей попросил - вместе с Вольфом. Уход его за детьми (1 нрзб.) Я хот<ела> быть где Вольф. Около Иркутс<ка> в д<еревне> Урик - гр<язная> <?> деревня, климат умерен<ный> для Сибири. Мне все равно - врач.

Лунин там же - за 8 вер<ст> к Поджио. (Из Шлисс<ельбургской> крепости за год) - рад - 8 лет в т<юрьме> - одиноч<ке>. Никого кроме привратника и изр<едка> коменданта не видел, не выхо<дил> на воздух. Спраш<ивал> у кар<аульного> - какой день? - Не знаю, воз<ражал> <?> Поль<ское> восстание, Июль<ская> револ<юция>, В<осточная> в<ойна> с Т<урцией>. Хол<ера>. Стр<аж> умер у двери его камеры. Он не знал.

Одн<ажды> блеск луны на стене тюрьмы. Когда залез под <?> до окна, просунул гол<ову> на свеж<ий> воз<дух>.

<2.> СЕВЕРНАЯ КОРИННА

Автограф ГБЛ

Вен<евитинов> был влюблен в З<инаиду> В<олконскую>. Когда она только что вернулась из Италии, он ей написал 2 ст<иха>:

На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла

Есть у Баратынского к ней же: до поездки в Италию:

Из царства виста и зимы
Где под управой их двоякой
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой

Приписано слева на полях:

Массивные ступни - узнавали по ним в маскарade. Год когда умер Веневитинов (27) думал поехать в Персию на то самое место, где погиб Грибоедов - умер.